

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Дорошевич

Чайковский

«Public Domain»

1903

Дорошевич В. М.

Чайковский / В. М. Дорошевич — «Public Domain», 1903

«— К Чайковскому позвали Бертенсона!— Да не может быть?!Г-н Бертенсон — хороший доктор.Но доктор! Бертенсон — последнее, что видит на этом свете выдающийся русский ученый, писатель, художник, музыкант, артист...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Влас Михайлович Дорошевич Чайковский¹

* * *

– К Чайковскому позвали Бертенсона²!

– Да не может быть?!

Г-н Бертенсон – хороший доктор.

Но доктор! Бертенсон – последнее, что видит на этом свете выдающийся русский ученый, писатель, художник, музыкант, артист.

Он является ко всем умирающим знаменитостям.

У человека под ногами осыпается земля. Ноги проваливаются в какую-то яму.

Что это? Могила, – или удастся выкарабкаться?

И все, что видит человек, – бледное небо, чахлая трава, – полно такой прелести...

И так страшна вечная тьма...

Так хочется жить, как еще никогда!

Человек судорожно хватается за отходящую жизнь.

И в эту минуту видит подходящего к постели, улыбающегося доброй улыбкой доктора Бертенсона.

Даже спокойствие разливается по лицу тяжело больного ученого, писателя, художника, музыканта, артиста.

Все ясно. Все определено.

– Уж Бертенсон пришел. Нет больше борьбы. Бессильно лежат руки и ноги.

Больной почти спокойно скользит в могилу. Унося в гаснущих зрачках образ доктора Бертенсона.

² *Бертенсон* Лев Бернардович (1850—1929) – врач-терапевт, лейб-медик, любитель музыки, брат В.Б. Бертенсона, домашнего доктора, приятеля семьи Чайковских. Определенная ирония, с которой пишет о нем Дорошевич, является отзвуком той газетной полемики относительно лечения композитора, которая разгорелась сразу после его смерти и в которой он принял непосредственное участие. 4 ноября 1893 г. он писал в «Петербургской газете»: «Два благополучно сияющих медицинских светила: в Петербурге г. Бертенсон, в Москве г. Захарьин. Два безвременно угасших музыкальных светила: в Петербурге П.И. Чайковский, в Москве Н.Г. Рубинштейн. Обоим музыкальным светилам под конец жизни пришлось познакомиться с излишним самолюбием светил медицинских. Когда Н.Г. Рубинштейн опасно заболел, г. Захарьин, обиженный тем, что его не позвали в начале болезни, отказался ехать. Есть другие доктора и помимо меня. Нужна была просьба покойного московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, чтобы г. Захарьин посетил Н.Г. Рубинштейна. Г-ну Бертенсону даже в голову не пришла мысль о консилиуме в такую трудную, ужасную, критическую минуту. Нет других докторов, кроме меня! И там и здесь вопрос самолюбия. Один „из самолюбия“ говорит: – Есть и другие доктора! Другой „из самолюбия“ думает: – Нет других докторов! А терпеть от этого „самолюбия“ приходится больному. Господа медицинские светила делали бы очень хорошо, если бы, входя к больному, оставляли свое „излишнее самолюбие“ в передней. Там ему, в сущности говоря, и настоящее место. Потому что „излишнее самолюбие“ в такие минуты – чувство далеко не „джентльменское“. Спустя три дня Дорошевич возвращается к этой теме, на этот раз поддерживая прозвучавшее и в других газетах мнение о необходимости некоего „общественного отчета“ Л.Б. Бертенсона: „А.С. Суворин находит, что отношение г. Бертенсона было не безусловно тщательным. М.И. Чайковский находит, что отношение г. Бертенсона было, наоборот, „безусловно-тщательным“. С г. Бертенсоном случилось то же, что с покойным П.И. Чайковским. Чайковского лечили от холеры три специалиста по грудным болезням. Г-на Бертенсона критикуют как врача... два литератора. Мы желаем г. Бертенсону одного. Если эта критика расстроит ему нервы, – не дай Бог, чтобы лечить г. Бертенсона от нервного расстройства взялись три акушера. Всякий хорош на своем месте. Мнения разделились. Чтоб выяснить истину, г. Бертенсону остается созвать консилиум из врачей и предоставить им решить: был ли его уход за больным безусловно-тщательным или безусловно-нетщательным. Без „консилиума врачей“ в этом деле не обойтись. С этого следовало начать. Этим придется кончить. Лучше поздно, чем никогда“ („Петербургская газета“, 1893, 8 ноября, No 307).» Н.О. Блинов и В.С. Соколов пишут в своей книге: «Пока неизвестно, состоялся ли требовавшийся газетами „отчет“ Л.Б. Бертенсона, но судя по тому, что вскоре этот врач стал лейб-медиком, в глазах общественного мнения он все-таки был оправдан» (Последняя болезнь и смерть П.И. Чайковского. М., 1994, с. 166). Эти же исследователи сообщают, что Л.Б. Бертенсон был специалистом по холере и что лечившие Чайковского доктора предприняли все, что было тогда возможно, но тяжелая форма холеры, давшая осложнение на почки, обусловила смертельный исход.

К постели Чайковского подошел Бертенсон.

И в двух угловых окнах верхнего этажа большого дома на углу Морской и Гороховой³ на всю ночь загорелся яркий свет.

Замелькали огоньки восковых свечей.

Словно там была елка.

Чайковский умер.

А еще дней за пять до этого я видел его вечером, после театра, в ресторане Лейнера⁴.

Он ужинал с друзьями и ел ту самую куриную котлетку, которая оказалась для него роковой⁵.

Черт знает что такое! Котлетка может оказаться роковой для гения!

Ищите, если хотите, после этого в жизни смысла и красоты!

Я сидел за соседним столом, как раз против Чайковского, и смотрел на этого «певца Онегина с душой Татьяны». Мечтательной и печальной.

Он был весел в тот вечер.

Он смеялся, и от его глаз расходились частые узенькие морщинки, как у смеющихся.

Было что-то милое и детское в этом седом человеке.

И если какие звуки проносились в его голове, – то, конечно, не хватающие за душу аккорды:

«Что день грядущий мне готовит!»⁶

В Казанском соборе была масса народу⁷, – и похоронное шествие растянулось больше, чем на версту.

Впереди играла музыка.

Несли на руках гроб, покрытый золотой парчой.

Ехали колесницы, увешанные венками.

Народ толпился по тротуарам и говорил:

– Кого хоронят?

– Генерала, с музыкой.

Многие перегнали шествие, и собрались в Невской лавре⁸, у забора, вокруг вырытой желтой могилы.

Неподалеку была гранитная глыба, – памятник Мусоргского.

Печальный, без солнца, серый петербургский день в 3 часа уже клонился к вечеру.

Принесли гроб.

Но гроба Чайковского не было заметно за г. Фигнером.

³ ...большого дома на углу Морской и Гороховой... – П.И. Чайковский умер в ночь с 24 на 25 октября 1893 г. на квартире своего брата Модеста Ильича в доме на Малой Морской улице в Петербурге.

⁴ ...я видел его вечером, после театра, в ресторане Лейнера. – В ресторане Лейнера, находившемся на Невском проспекте у Полицейского моста, П.И. Чайковский 20 октября 1893 г., после посещения Александрийского театра, где он смотрел спектакль по пьесе АН. Островского «Горячее сердце», ужинал в компании родственников и друзей.

⁵ ...ел ту самую куриную котлетку, которая оказалась для него роковой. – По свидетельству современников, Чайковский ел в ресторане Лейнера макароны и тогда же выпил стакан сырой воды. На другой день, 21 октября, он заболел распространенной в Петербурге холерой. «Сейчас точно установить, где заразился Петр Ильич, невозможно... Однако можно считать наиболее вероятным, что заражение все-таки произошло в ресторане», – утверждают, опираясь на различные документальные свидетельства, Н.О. Блинов и В.С. Соколов (Последняя болезнь и смерть П.И. Чайковского, с. 36).

⁶ «Что день грядущий мне готовит!» – слова из арии Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

⁷ В Казанском соборе была масса народу... – В Казанском соборе 28 октября проходило отпевание Чайковского.

⁸ ...собрались в Невской лавре... – Чайковского похоронили на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.